

БОГОСЛОВИЕ

Авторы: С. С. Аверинцев; В. Шмалий (богословские дисциплины)

БОГОСЛОВИЕ, теология (греч. θεολογία; от греч. Θεός – Бог и *...логия*), учение о Боге, построенное в логич. формах филос. умозрения на основе текстов, принимаемых как свидетельство Бога о Самом Себе. Б. концептуально предполагает существование личного абсолютного Бога, а потому возможно только в рамках *теизма* (см. также *Мутазилиты*, *Иудаизм*).

В христианстве богословие понимается как учение о Троицином Боге в Самом Себе, в отличие от «икономии» (греч. οἰκονομία – домостроительство), – учения о действиях Божиих (творении, Промысле, Воплощении, Спасении) в отношении мира и человека.

Историческая справка

Термин «теология» впервые вошёл в оборот в античной Греции, где он прилагался к систематизированному изложению мифов и особенно генеалогий языческих богов, чаще всего осуществлявшемуся в поэтич. форме. Такая «теология» не только не имела характера обязат. вероучения, но могла быть и вообще иррелигиозной: *Цицерон* называет «теологами» вольнодумных последователей философа Эвгемера Критского, учивших, что боги суть всего лишь обожествлённые люди. Более определённая связь с религ. верой устанавливается там, где слово «теология» прилагается к мистич. преданию тайных религ. кружков – тиасов (напр., на языке позднеантич. религ. философов слово «Теолог», употребляемое как имя собственное, есть обозначение легендарного поэта древности *Орфея*, основавшего сообщество орфиков). Нередко «теологами» называли жрецов, в обязанность которых входило рассказывать посетителям храма местные мифы. Однако во всех случаях термин «теология» относился к сфере мифологии, а не филос. умозрения. Аристотель, опираясь на ту критику, которой Платон подверг «теологию» народных и поэтич.

мифов, впервые перенёс обозначение «теология» на умозрит. «первую философию», «высшую созерцательную науку». Для Аристотеля теология есть, прежде всего, учение о неподвижном перводвигателе, источнике и цели мирового бытия, и как раз аристотелевское словоупотребление оказало решающее воздействие на дальнейшую историю слова. Однако для [Тертуллиана](#) и [Августина](#) «теология» – языческие лжеучения о богах, для [Дионисия Ареопагита](#) и порождённой им традиции – это не рационалистич. анализ Откровения, но само Откровение, т. е. вероучение Библии (так употребляет слово theologia ещё [Бонавентура](#)). Для Августина или [Ансельма Кентерберийского](#) религ. и филос. созерцание Божества совпадают в едином акте интуиции, а потому всякое спекулятивное учение о вере есть именно «философия», а не к.-л. особая форма знания. Положение меняется в зрелой [схоластике](#), осмысляющей теологию как дисциплину, внеположную философии. [Фома Аквинский](#) ещё предпочитает пользоваться синонимич. словосочетанием «священное учение» (sacra doctrina), наконец, у [Генриха Гентского](#) этот термин окончательно закрепляется в совр. смысле.

Философская структура христианского богословия

Идея Б. в принципе двуполярна, ибо предполагает как сверхрациональное откровение, так и рационалистич. анализ этого откровения. Это выражено уже в термине «Б.», первый элемент которого, по словам П. Тиллиха, «есть Theos, Бог, нечто о себе сообщающий, стихия Откровения; второй элемент есть logos, разумное слово о том, что сообщает Бог в своём сообщении». При этом логос – система мыслит. приёмов греч. философии (и в визант., и в лат. Б. в эпохи его расцвета имела место конкуренция [платонизма](#) и [аристотелизма](#), переосмысленных в [неоплатонизме](#)). По этой причине Б. чаще всего имеет как бы двухъярусную конструкцию: нижний ярус – филос. умозрение об [абсолюте](#) как сущности, первопричине и цели всех вещей (т. е. именно то, что назвал «теологией» Аристотель), верхний ярус – не могущие быть усмотренными разумом «истины Откровения», непосредственно сообщённые в «Слове Божиим». [Гуго Сен-Викторский](#) различал «мирское Б.» (theologia mundana), т. е. высшую из умозрительных филос. дисциплин, и «божественное Б.» (theologia divina), преподанное Богом в воплощении Логоса (Богочеловека) и в церк. таинствах. В схоластике эти два вида Б. получили устойчивое обозначение «естественной

теологии» (theologia naturalis) и «богооткровенной теологии» (theologia revelata), а отношение между этими двумя видами Б. было осмыслено Зап. церковью в контексте антиномии «природы» и «благодати». Перенос акцента на мистико-аскетич. опыт, запечатлённый в Предании, определяет облик православного богословия.

Бог, которого предполагает теистич. религия, есть, прежде всего, личностное Я, «живой Бог» Библии: поэтому занятие Б. мыслится одновременно и как интеллектуальное теоретизирование, и как «искание лика Божьего» (Пс. 23:6) – личностный контакт с Богом. Безличную духовную сущность можно безбоязненно созерцать, но личный Бог и сам «смотрит» на созерцателя, и теологич. разум неизменно ощущает на себе этот взыскующий взгляд. В этом несвобода теолога. Непринуждённое, почти играющее настроение языческой спекуляции становится для Б. невыносимым: любой просчёт в отношениях с личным, волящим, любящим и гневающимся абсолютом представляет опасность; отсюда неизбежное для Б. понятие ереси и «неверия». Впавший в ересь совершает не отвлечённую мыслит. ошибку, но бесконечный по своим последствиям личный проступок в своих взаимоотношениях с Богом-абсолютом, как бы космич. «бестактность», обрывающую связь между «горним» и «дольним». Ведь вера в Бога мыслится одновременно как вера Богу – не просто убеждённость в его бытии и в истинности его «слова», но акт доверия к самому говорящему. Рука об руку с доверием Богу идёт столь же персоналистически понятое доверие к людям – носителям предания, к «богоносным» авторитетам, к «старцам», в своей совокупности составляющим «Церковь святых». Б. невозможно вне социальной организации, – понятие «Слова Божия» теряет смысл вне понятия «народа Божия» как адресата «слова». Это выражено в словах Августина: «Я не поверил бы и Евангелию, если бы меня не побуждал к тому авторитет вселенской Церкви». Попытка протестантских церквей отделить авторитет Библии от авторитета Церкви не смогла до конца лишить Б. его институционального характера как вероучения, обращённого от тех, кто «поставлен» в Церкви учить её членов.

Б. в качестве рационалистич. дисциплины должно вновь и вновь ставить себя под подозрение, и притом с ортодоксально-теистич. точки зрения: требуемый самой природой рассудка «холодный», безлично-отчуждённый подход к «тайне», специфич. атмосфера логич. рассмотрения и диспута, т. е. всё то, что включается в понятие

схоластики, необходимо для внеличного функционирования теистич. религии, но может оскорблять личностные чувства верующего. «Нелепо спорить о Троице на перекрёстках и превращать предвечное рождение Сына в предмет соблазна и в поприще публичного состязания!» – эти слова Петра из Блуа (ум. 1200) выражают тревогу мистика за интимное переживание «тайны», отчуждаемое и профанируемое даже в самом ортодоксальном логизировании веры.

Внутр. двойственность идеи Б. чувствуется и в представлении о том, что подлинным авторитетом здесь вправе обладать не просто профессионально эрудированный, но при этом, прежде всего, «совершенный», «богомудрый» человек, чья личная святость позволяет умозаключить о личном же проникновении в «тайну» Бога. Так идеал богослова колеблется между двумя совершенно разнородными идеалами: идеалом учёного, который работает с логически принудит. силлогизмами, и идеалом «друга Божиего», которому Бог раскрывается в личностном и потому «неизреченном» опыте общения. Соотношения между этими двумя полюсами предоставляют большое количество типологич. вариантов, поочерёдно господствующих в разл. эпохи развития Б. Одним из ключевых моментов богословского метода у св. отцов стала апофаза. Апофатический метод исходит, на эпистемологическом уровне, из опытно обретаемого убеждения в том, что Бог не может и не должен быть «предметом» интеллектуального анализа и знания, подобно предметам и объектам сотворённого мира. Утверждается непостижимость Бога и методическая неполнота, несовершенство, неспособность человеческой мысли охватить Бога. Богословский апофатизм, несмотря на сходство с апофатизмом философским, имеет совершенно иные корни. Подобно тому как осн. интуицией греч. античной филос. мысли была интуиция гармоничного космоса – космоса, разумного в своих основаниях и потому «умозримого», – важнейшей интуицией святоотеческой мысли являлось противопоставление Бога и мира. Это противопоставление не означает разрыва между Богом и миром – напротив, важнейшей категорией Б. становится слышание Слова Божия, исполнение Его благой воли, выраженной в Слове. Апофатизм святоотеческий, на онтологическом уровне, не допускает концепций, логически связывающих бытие Бога и мира. Б. училось функционировать в крайне тяжёлых методологич. условиях: с одной стороны, апофаза – говорить о Боге мы

почти не можем, с другой – это совершенно необходимо. Этим обуславливается специфика богословской мысли, где вынужденно говорится о том, о чём говорить нельзя, выражается невыразимое, говорится о полноте из ситуации неполноты. По этой причине богословский язык скорее образный, чем концептуальный.

Метафоричность филос. понятий, использовавшихся Б., объясняется тем, что созданные философией на основе обобщённого опыта восприятия посюстороннего мира, они в применении к сфере нетварного бытия неизбежно превращаются в филос. метафоры. Извлечённые из исходной сферы их филос. обращения для применения в богословии, они освобождаются от филос. коннотаций, «деконцептуализируются» (в терминологии В. Н. Лосского).

«Деконцептуализация» в богословском дискурсе филос. понятий, апофаза, заключённая как на эпистемологическом, так и на онтологическом уровне богословского дискурса, может закономерно привести к пониманию тщетности и даже ненужности самого дискурса, тщетности богопознания. Осознавая эту возможность, свт. [Григорий Богослов](#) писал: «Непостижимым же называю не то, что Бог существует, но то, что Он такое (...) Весьма большая разность – быть уверенным в бытии чего-нибудь и знать, что оно такое» [Свт. Григорий Богослов. Слово 28 (о богословии 2-е), 6]. Важнейшим для святоотеческого богословия принципом является различение в рассуждении о Боге Его сущности и энергий (действий). Сущность Божия абсолютно непостижима, несообщна и несообщима тварным существам. Однако, будучи совершенно «иным» по отношению к миру, Бог проявляет Себя в мире. Этот способ Его проявления в мире св. отцами описывается с помощью понятия «энергия». Т. о., в основе богословской катафатики лежит принцип: Бог непостижим по сущности, но познаваем в своих энергиях в мире.

Основные направления развития христианского богословия

Ко 2 в. христианская церковь в борьбе с [монтанизмом](#) приходит к осознанному взгляду на эпоху «апостольских мужей» как эпоху завершённую; одновременно иудаизм, переживший крушение иерусалимской теократии в 70, усматривает свой единственный шанс в «воздвижении оград вокруг Закона», т. е. в канонизации и

комментировании текста [Торы](#). Так, создаётся предпосылка для экзегетич. работы над замкнувшимся «Писанием», т. е. для Б. Притом, необходимая свобода для умозрит. осмысления Писания создаётся за счёт аллегорич. истолкования последнего (экзегеза Александрийской школы). Христианское Б., изначально развиваясь в греко-римской этнич. и языковой среде, усваивает антич. модели филос. умозрения, что позволило ему выработать в тринитарных и христологич. спорах 4–7 вв. такую развитую систему умозрит. догматики, которой не знали ни иудаизм, ни ислам (в последних Б. не отчленяется до конца от сакрального права и потому сосредоточено не на истолковании универсума, а на поведении человека). Эта работа христианской церкви над догматами, в центре которой стоит проблема соотношения между личностно понятым абсолютом и эмпирич. миром, в осн. завершается к 8 в. Широкая систематизация наличного «предания» на основе аристотелевских логич. схем впервые осуществляется [Иоанном Дамаскиным](#).

В 11 в. на Западе начинается новый подъём христианского Б., отныне занятого не творчеством догм, а их объяснением (Ансельм Кентерберийский). В 12 в. в кругозор зап. христианского Б. (схоластики) благодаря многочисл. переводам входят сочинения евр. и исламских богословов, а также Иоанна Дамаскина. Мистич. направление Б., исходящее из данностей «внутреннего опыта» и недоверчиво относящееся к логич. выкладкам, пытается противостоять схоластике ([Бернард Клервоский](#) против [Абеляра](#)), но вынуждено на Западе склониться перед последней, – и лишь на православном Востоке со времён [Симеона Нового Богослова](#) оказывается господином положения (концепция Б. как «умного делания»; систематизация мистического Б., [исихазма](#), предпринятая [Григорием Паламой](#)). Внутри интеллектуального мира схоластики создаётся международная и даже (в известных пределах) межвероисповедная иудео-христианско-исламская общность: в те самые века, когда в Испании распря христианства и ислама решалась мечом, мусульманин аль-Газали и иудей Ибн Гебироль служили для зап. Б. школьными авторитетами. Эта эпоха Б. получила в 13 в. своё завершение в учении Фомы Аквинского.

В последующие века христианское Б. работает над последоват. деструкцией схоластического здания (И. [Дунс Скот](#), У. [Оккам](#)): синтез Нового Завета и Аристотеля, достигнутый предыдущими поколениями, не удовлетворял ни тех, кто стоял на

стороне мирских тенденций в [гуманизме](#), ни тех, кто пытался в новых условиях возродить серьёзное отношение к принципу веры. Аверроистская теория двойственной истины, пришедшая из философии ислама и отвергнутая Фомой Аквинским во имя безусловной гармонии между логикой и верой, приобретала всё больше явных и скрытых сторонников. М. [Лютер](#) решительно отверг саму идею Б. как умозрит. дисциплины: предметом Б. являются для него исключительно личностные взаимоотношения нуждающегося в Боге человека и окликающего человека Бога; последний неуловим для абстрактных построений и раскрыт лишь в конкретном, внелогич. событии крестной смерти Христа (т. н. Б. креста). Однако в дальнейшем Ф. [Меланхтон](#) возвращается к аристотелианско-схоластич. наследию, формальные мыслит. схемы которого приемлются в равной степени догматич. Б. [Контрреформации](#) (Ф. [Суарес](#), Р. [Беллармин](#)) и [протестантизма](#), пока к 18 в. не становятся расхожей монетой католических, протестантских и православных школьных догматик. Ф. [Шлейермахер](#) пытается приспособить Б. к требованиям новоевропейской культуры, усвоив для него стиль просветительского мировосприятия. Напротив, С. [Кьеркегор](#), осмысляя кризис этой культуры, ищет выход в запоздалой реализации завета Лютера – в возвращении к библейской вере, порывающей противоестественный союз с греч. рационализмом и осознающей себя как чистое возвешение. Идеи Кьеркегора были развиты в 20 в. в диалектической теологии; к ней примыкает движение за демифологизацию веры, инициированное теорией Р. [Бульмана](#).

Богословские дисциплины

Важнейшими разделами христианской богословской науки являются: 1) изучение и интерпретация Священного Писания; 2) изучение, интерпретация, апология и систематич. изложение церковного веро- и нравоучения (догматическое, основное, нравственное богословие, патрология); 3) исследование истории христианской церкви и разл. аспектов её жизни; 4) исследование внутренних аспектов церковной жизни – богослужения, устройства, дисциплины (литургика, каноническое право, аскетика, пастырское богословие). Для всех этих дисциплин характерно тесное взаимодействие между собой и с разл. гуманитарными дисциплинами, применение совр. науч. методов при одновременной преданности важнейшим положениям церковного вероучения.

Некоторая специализация богословских дисциплин издавна существовала в христианском богословии. В основном она была связана с нуждами богословского образования и катехизации. Так, в Александрийской школе в 3 в. возникает первый опыт тематизированного преподавания Б. В ней практиковались четыре последовательные ступени богословских дисциплин – то, что соответствует апологии христианского учения и жизни, христианской этике, догматике и библеистике. Предполагалось, что эти ступени изучения богословских дисциплин соответствуют восхождению по ступеням христианского познания истины.

На Западе оформление структуры богословских дисциплин происходит в послереформационный период. С одной стороны, это было обусловлено развитием католич. богословской школы в связи с задачами Контрреформации. С другой стороны, характерной особенностью Нового времени является становление науки, с усиливающейся в ней специализацией. Начинают отчётливо различать «положительное» и «спекулятивное» Б. К первому относят изучение Откровения и опыт исторического его усвоения, ко второму – упорядоченное изучение и изложение истин веры и норм жизни в соответствии с ней. Таким образом, выделяются библеистика, церковная история, патрология, догматическое и нравственное богословие, апологетика. Постепенно оформляются практические богословские дисциплины. Г. Калликст (1586–1656), последователь Ф. Меланхтона, в «Конспектах нравственного богословия» (1634) различает *theologia dogmatica* как исследование положений вероучения и *theologia moralis* как исследование христианской нравственности. Иезуит Дионисий Петавий (1583–1652), автор соч. «О богословских догматах» (1644–50), производит систематизацию догматов как предмет догматического Б. Основным итогом его классификационной работы – отделение систематической теологии от исторической, а в рамках систематической – различение догматического и нравственного Б. Задачи межконфессиональной полемики обусловили необходимость создания «обличительного» Б. Наиболее известным богословом, трудившимся в этой области, был Р. Беллармин.

В традиции Рус. церкви, закреплённой в трудах митр. Афанасия (Булгакова), все богословские дисциплины разделяются на основные и соответствующие им вспомогательные дисциплины (приведены в скобках). К основным дисциплинам

относятся герменевтика (введение в книги Священного Писания), экзегетика (библейская археология), патристика (патрология), символика (история Символов веры), догматическое богословие (история догматов, сравнительная догматика), нравственное богословие, литургика (церковная археология, сравнительная литургика), каноническое право (история права, сравнительное право). Особую группу составляют прикладные богословские дисциплины: пастырское богословие, гомилетика (история красноречия) и аскетика (история аскетизма).